

11. Лужков Ю.М. Российские «законы Паркинсона». М.: Вагриус, 1999. 81 с.

12. Уголовное право и социализм: сборник статей / перевод, под ред. и с предисл. М. Н. Гернета. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1908. 226 с.

11. Luzhkov Yuri. The Russian «laws of Parkinson». M.: Vagrius, 1999. 81 p.

12. Criminal law and socialism: collected articles / Translated, edited and with a Foreword by M. N. Garnet. M.: Typography T-VA I. D. Sytin, 1908. 226 p.

**РУКОВОДЯЩИЕ НАЧАЛА ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ
РСФСР 1919 ГОДА:
100 ЛЕТ НАДЕЖД И РАЗОЧАРОВАНИЙ
(ИСТОРИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СРЕЗ)**

Статья написана в рамках проекта 18-29-14028, поддержанного РФФИ

**CRIMINAL LAW GUIDELINES OF THE RSFSR 1919: A CENTURY
OF HOPE AND FRUSTRATION
(HISTORICAL AND CRIMINAL ASPECTS)**

Article written as part of project 18-29-14028, supported by RFFI

Козаченко И.Я.

*доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой уголовного
права*

*ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет»*

(г. Екатеринбург)

Kozachenko I.YA.

Doctor of Juridical Sciences, Professor

Head of the Criminal law department

Ural State Law University

(Yekaterinburg)

Ключевые слова: Руководящие начала, преступление, соучастие, наказание, виды наказания, меры наказания, условное осуждение, несовершеннолетний.

Аннотация: Статья посвящена историческому и уголовно-правовому анализу Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года, столетие которого отмечает в текущем году юридическая общественность Российской Федерации. В статье сделана попытка показать не только негативную фактуру содержания и функций данного документа, но и раскрыть богатство прогностической преемственности основных его институтов.

Keywords: Guidelines, crime, abetting, punishment, kinds of punishment, punitive measures, conditional sentence, under age.

The summary: The article is devoted to historical and criminal analysis of the “Criminal law guidelines of the RSFSR” issued in 1919 in view of its centenary celebrated by legal community of Russian Federation this year. The author attempts not only to reveal the ominous aim and functions of this instrument but to show its predictiveness in continuity of main institutes.

12 декабря 2019 года вся уголовно-правовая общественность будет отмечать столетие со дня подписания заместителем Комиссара Юстиции РСФСР важного документа, содержащего в себе на тот исторический период положительный, равно как и отрицательный опыт борьбы с преступностью. У данного документа особенно ярко проявили себя две грани: историческая и уголовно-правовая.

Что касается первой, то она позволяет заключить – историческая необходимость его появления была предопределена своеобразием содержания и динамикой развития революционного процесса. Революция по самой своей сути – это ломка, разрушение, отрицание любой эволюционной инициативы. Ход развития революционных процессов и их результаты самой судьбой и неизбежно придают им криминальный оттенок и провоцируют криминальные всплески в социальном секторе общества.

И когда критическая масса криминального вала достигла предельно допустимых параметров, а успехи противостояния оказались слишком слабы, возникла потребность в обобщении и анализе достигнутого в этом секторе развития молодого государства, выработке необходимых правил и коррекции уже существующих. Если прошлое позволяет ответить на вопрос, как развивались процессы становления нового государства, настоящее обращает внимание на то, чего мы в этом достигли, то будущее подсказывает нам, куда двигаться. Именно эту миссию в определенной степени и выполнили, на мой взгляд, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года (далее по тексту – Руководящие начала).

Вторая, уголовно-правовая, грань анализируемого правового по смыслу документа позволяет заметить, что он разрабатывался и утверждался в условиях бессистемности, содержательно-функциональной спонтанности, эвристической разобщенности идей, пронизывающих уголовно-правовую материю, которая и была положена в основу ведущей концепции Руководящих начал.

И все же, вряд ли правильным будет утверждение о том, что Руководящие начала есть плоть от плоти порождение лишь хаоса и сумбура. Перефразируя сказанное М.А. Горь-

ким о поэзии А. Блока, имеет смысл сказать, что Руководящие начала есть, прежде всего, эхо революционных процессов, бороздящих мятежные российские просторы, а не только нянька революционных составителей этого многострадального документа¹. Вполне объяснимо, что он несет на себе печать доктринальной культуры, законотворческой и правоприменительной практики, уровень правосознания населения, а не только элитарной его составляющей, уголовной политики того исторического прошлого.

В этой связи будет вполне оправданным анализ Руководящих начал в рамках тех исторических и уголовно-правовых реалий, которые не только слепо следовали за ходом историко-правовых событий, но в достаточно степени обуславливали эти события, вынуждая официальную власть принимать нестандартные и сиюминутные решения, которые, в силу этих же условий, как потом покажет время, были не всегда продуманными и верными.

В то далекое историческое время российский обыватель (в хорошем смысле этого слова) был очень далек от категории людей, в благородной душе которых отбивает непрекращающиеся ритмы сознание сопричастности к тому великому и судьбоносному, что год за годом одновременно ложится на весы праведности и греховности, добра и зла. Российский человек сполна хлебнул горькую чашу разочарований, испытывая при этом далеко не сладостный привкус горя и бед, так безжалостно «бороздивших» его тело и душу.

Что же отразили своим появлением Руководящие начала? Прежде всего то, что пролетариат, «завоевавший в Октябрьскую революцию власть, сломал буржуазный государственный аппарат, служивший целям угнетения (почему только – И.К.) рабочих масс»². Эта же участь постигла и «все кодексы буржуазных законов», в том числе и уголовных.

¹ Блок Александр. Стихотворения и поэмы. М.: Худ. лит., 1968. С. 6.

² Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991 годов. М.: Зерцало, 1997. С. 63-68.

Как говорят в народе, «ломать не строить». Сломать-то сломали, а что же дальше? А дальше авторы Руководящих начал провозглашают с оттенками некоего пафоса, что «без особых правил, без кодексов вооруженный народ справлялся и справляется со своими угнетателями».

Для Руководящих начал характерна революционная риторика, породившая такую зловещую содержательную модель, как «классовый враг». Именно она, зародившись в недрах зловещих революционных преобразований, спустя некоторое время достаточно легко и без особых пояснений и оправданий перекочевала в «лоно» советской законодательной лексики в виде не менее страшного и безжалостного смыслового формата «враг народа».

Можно даже только по этому признаку (факту) обозначить жесткую, если не сказать «жестокую», связь между уголовно-правовыми и криминальными событиями, имевшими место в конце 20-х и 30-х годов. Руководящие начала со своей революционной бесшабашностью и карательной беспредельностью выступили в роли спускового причинного механизма, со всей силой проявивших себя в жуткие 37-е.

Данный бесчеловечный постулат был вполне неизбежен в рамочных условиях, при которых «окончательно сломив сопротивление повергнутых буржуазных и промежуточных классов и осуществив коммунистический строй, пролетариат уничтожит и государство как организацию насилия, и право как функцию государства».

Вместе с тем Руководящие начала, неся на себе «каинову печать» своего трудного и сложного времени, способствовало в силу возможности зарождению ростков нового уголовного права и уголовного законодательства. Что очень важно отметить, новому – не в смысле было буржуазное, а стало советское, а в смысле сущностного понимания уголовного права как «системы (порядка) общественных отношений» – прообразу уголовного права как социальной ценности. Правда, авторы Руководящих начал эту позитивную идею не отразили в дальнейших своих рассуждениях, так как в ст. 2 говорится уже о другом, что «уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры...», то есть о прообразе уголовного закона.

Проблему, которой лишь вскользь коснулись авторы Руководящих начал, и сегодня нельзя считать решенной. И если о ней не говорят, то не потому, что

данная проблема себя исчерпала, а потому, что ее просто не хотят замечать. Рассуждая о том, что уголовное право – это прежде всего система общественных отношений, авторы Руководящих начал пошли дальше. Они закрепили положение, согласно которому эта система общественных отношений охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессии (наказания).

Естественно, что уголовное право не исчерпывается лишь системой общественных отношений, они есть лишь ядро уголовного права. В социальном контексте категория «уголовное право» тесно контактирует с такими институтами, как мораль, нравственность, обычаи, традиции, и другими формами проявления личной, общественной и государственной жизни социума. В этой связи уголовное право, как социальная реальность, должна охраняться от преступного посягательства, причем в немалой степени с помощью уголовного закона.

Именно эту задачу закрепили авторы в ст. 3 Руководящих начал. В ней, в частности, оговаривается, что уголовное право имеет задачей посредством репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс. Правда, в этом размытом постулате ощущается сильный привкус политической риторики, нежели прагматический уголовно-правовой смысл. Так, например, вряд ли допустимо утверждение авторов данного документа о том, что «трудящиеся массы» организовались в «господствующий класс». Столь смелое заявление привело бы в тупик даже отцов самых фантастических утопических учений.

Вряд ли оптимистично звучит послы, в соответствии с которым задача уголовного права будет (должна) решаться «посредством репрессии», хотя строго судить авторов Руководящих начал за столь излишне суровый императив вряд ли справедливо. Суровое время требовало не менее суровых мер реакции на любые, а тем более тяжкие, посягательства на молодое советское государство.

Позитивно воспринимаются положения Руководящих начал, касающиеся определения понятия преступления (нарушение порядка общественных отношений), и указание на основания криминализации деяний (необходи-

мость борьбы государственной власти с преступниками). Этому вопросу была посвящена специальная авторская статья¹.

Достаточно емким по содержанию (и этому есть оправдание) являются разделы, посвященные проблемам наказания: его содержанию, системе, видам, условиям назначения и освобождения от него². В частности, Руководящие начала определяют наказание (правда, слишком широко) как меры принудительного воздействия, посредством которых власть (имеется в виду государственная, хотя об этом и не говорится) обеспечивает данный порядок общественных отношений от его нарушителей. И хотя составители Руководящих начал закрепили в ст. 8 задачу наказания, что, естественно, можно оценить позитивно, она в своей содержательной части совпадает с задачей уголовного права с незначительными расхождениями. Так, если задача уголовного права заключается в охране системы общественных отношений, то задача наказания находит свое выражение в охране общественного порядка.

Обезопасить общественный порядок от будущих преступных действий лица, уже совершившего преступление, Руководящие начала предлагают тремя приемами (методами): а) методом приспособления преступника к данному общественному порядку; б) если преступник не поддается приспособлению, методом его изоляции; в) в исключительных случаях (очевидно, когда названные методы не срабатывают) – с помощью физического уничтожения преступника. Физическое уничтожение предполагает любую, в том числе и внесудебную, расправу. К сожалению, время показало, что внесудебная расправа оказалась не словесной фигурой речи, а суровой действительностью.

Все меры, с помощью которых можно было оказывать влияние на лиц, совершивших преступление, Руководящие начала разделили на четыре группы: «наказание» – ст. 10; «меры воздействия» – ст. 11; «меры наказания» – ст. 12; «виды наказания» – ст. 25. Столь вольный

разбег в терминологической неопределенности того, что хоть какое-то отношение имеет к наказанию, вряд ли можно расценивать как достоинство этого важного документа. Тем более, что виды наказаний, о которых речь идет в ст. 25, носят примерный характер, что неизбежно приводит к мысли о том, что суд при выборе вида наказания может назначить любое, по его усмотрению, наказание. Вряд ли подобного рода судебный беспредел может красить любой, а тем более столь важный документ, к которому относятся Руководящие начала. И хотя перечень наказаний, о котором говорится в ст. 25 Руководящих начал, носит примерный характер, в качестве позитивного фактора можно назвать наличие в этом перечне признаков системности. Так, в основе этого перечня заложен принцип экономии уголовной репрессии, в силу чего все виды наказания расположены по ранжиру – от менее тяжких к более тяжким; в данном случае в диапазоне от внушения и до расстрела, а также с возможностью сочетания указанных в ст. 25 видов наказания. Последнее вряд ли является положительным, так как в данном случае за одно преступление безальтернативно можно назначать два и более наказания. При этом в документе не оговаривается, что сочетание основного наказания возможно лишь с дополнительным наказанием, как это принято в настоящее время.

Указанные в ст. 25 виды наказания подлежат разделению на те, которые, отработав свой революционный ресурс, по умолчанию ушли со сцены «борьбы с преступностью», и те, которые, выдерживая сильнейшее давление организованного и практически вооруженного преступного вала, пройдя испытания временем, и сегодня, совместно с иными правовыми и неправовыми регуляторами, верно служат отечеству.

К первой группе нужно отнести внушение, выражение общественного порицания, принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, прохождение известного курса обучения), объявление под бойкотом, исключение из объединения на время или навсегда, отрешение от должности, лишение политических прав, объявление врагом революции или народа, лишение свободы на неопределенный срок до наступления известного события, объявление вне закона. Что же характерно для данного перечня наказаний? В них отпадала надобность по мере исчезновения условий, которые ранее были востребованы, и потому те или иные виды наказа-

¹ Козаченко И.Я. Исторический опыт криминализации деяний: к 100-летию Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 2. С. 31-35.

² Козаченко И.Я. Наказание в огранке Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года // Проблемы истории общества, государства и права: сб. научных статей. Вып. 6. Екатеринбург.

ний «отмирали» неизбежно, но в разных криминальных режимах.

Вторую группу составили восстановление, а при невозможности такового – возмещение причиненного ущерба, конфискация всего или части имущества, принудительные работы без помещения в места лишения свободы, лишение свободы на определенный срок, расстрел. Наглядно, что эти виды наказания столь же «уютно» чувствовали себя на страницах Руководящих начал, сколь «комфортно» им и сегодня на страницах Уголовного кодекса Российской Федерации даже в 2019 году (в дальнейшем по тексту – УК РФ).

Вполне благородно на фоне непрекращающихся кровавых столкновений событий прошлого и настоящего времени воспринимаются слова, зафиксированные в ст. 10 Руководящих начал: «Наказание не есть возмездие за вину, не есть искупление вины. Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий».

В заслугу авторам Руководящих начал следует поставить то, что они при описании условий (факторов), необходимых при назначении наказания (наказаний), особой строкой выделяли обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание. К первым они относили: совершение преступления неимущим в состоянии голода или нужды, совершение деяние в интересах восстановления власти угнетающего класса, совершение преступления по неведению и неосознанности, совершение преступления впервые, совершение преступления единолично преступником, совершение преступления без насилия, совершение преступления против имущества, совершение деяние в состоянии запальчивости, по легкомыслию и небрежности. Может быть, не так, как хотелось бы, но целый ряд смягчающих, равно как и отягчающих наказание обстоятельств перекликаются с теми, которые закреплены и в УК РФ. В частности, совершение преступления лицом, принадлежащим к имущему классу, с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности, совершение преступления в интересах личных совершающего деяние, совершение деяние профессиональным преступником (рецидивистом), совершение деяния группой, шайкой, бандой, совершение деяния посредством насилия над личностью, совершение деяния против личности, совершение деяния с заранее обдуманым намере-

нием, с жестокостью, злобой, коварством, хитростью.

Современно звучит тезис с требованием, чтобы суд, определяя меры воздействия на подсудимого, оценивал степень и характер (свойство) опасности для общегития как самого преступника, так и совершенного им деяния (ст. 11). В этих целях суд должен многогранно изучать личность преступника и совершенное им деяние, насколько оно «в данных условиях времени и места нарушает основы общественной безопасности».

Детально и вполне квалифицированно изложены основания и прописаны условия неприменения наказания. Так, не подлежат суду и наказанию несовершеннолетние до 14 лет и лица переходного возраста – 14-18 лет – ст. 13; лица, совершившие деяние в состоянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не давали себе отчета в своих действиях, а также тот, кто хотя и действовал в состоянии психического равновесия, но к моменту приведения приговора в исполнение страдает душевной болезнью. К ним применимы лишь лечебные меры и меры предосторожности, хотя, что это означает, можно только гадать (ст. 14).

Довольно серьезно и, как мне представляется, юридически просто и грамотно прописан в Руководящих началах институт необходимой обороны (ст. 15).

Отстоял право на существование институт, который в нынешней трактовке сформулирован как освобождение от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ).

Удачными можно признать положения, которые Руководящие начала отнесли к стадиям осуществления преступления (ст. 17-20). Однако вряд ли можно согласиться с утверждением о том, что стадия осуществления намерения совершающего преступление сама по себе не влияет на меру репрессии, которая, по мнению авторов данного документа, определяется степенью опасности преступника. В приведенном контексте выражена концепция опасного состояния личности, которая в тот период времени входила в перечень приоритетных.

Аналогичное мнение авторы Руководящих начал высказали и относительно института соучастия. В ст. 21 в императивном контексте закреплён тезис о том, что мера наказания определяется не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния. Однако данное утверждение следует признать противоречивым, так как, например, пособником Руководящими началами призна-

ется лицо, которое непосредственного участия в выполнении преступного деяния не принимало (ст. 24). Подобная неясность присутствует и при определении меры наказания подстрекателю (ст. 23).

Вполне приемлемой можно признать редакцию института условного осуждения. Его положения мы находим и в действующем УК РФ.

Подводит итоговую черту закрепленное в ст. 27 Руководящих начал положение о действии уголовного закона в пространстве. Оно не утратило своего актуального звучания и сегодня. Действие уголовного закона в пространстве, по крайней мере по тексту данного документа, приводится безотносительно к действию его во времени, и это говорит о том, что в тот исторический период время совершения преступления, как и обратная сила закона, еще не получили своего автономного значения.

Выход в свет Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года был предопределен желанием авторов этого документа подвести итоги конкретному проявлению пролетарского права, сделать из него выводы и необходимые обобщения.

Если исключить пафосный фон Руководящих начал и попытаться ответить на неиз-

бежно возникающий вопрос, а ради чего (и кого) нужно делать выводы и необходимые обобщения, то с определенной долей оговорок можно заключить, что основным адресатом Руководящих начал является законодатель. Это он должен «в интересах экономии сил, согласования и централизации разрозненных действий ... выработать правила обуздания своих классовых врагов, создать метод борьбы со своими врагами и научиться им владеть».

Руководящие начала, несмотря на свою аксиоматичность и пролетарскую категоричность, должны расцениваться не столько как нормативный документ, а сколько как документ рекомендательного характера. Именно этим в определенном смысле можно объяснить определенного рода превосходство патетики формы над рациональной холодностью содержания, что, в частности, нашло свое отражение и в названии этого документа.

Многим надеждам, так «уютно» себя чувствовавшим в тексте данного документа, так и не суждено было сбыться. И вот уж сто лет витает дух разочарований над ажурным сводом радужных надежд.

Список цитируемой литературы:

1. Блок Александр. Стихотворения и поэмы. М.: Худ. лит., 1968. С. 6.
2. Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991 годов. М.: Зерцало, 1997. С. 63-68.
3. Козаченко И.Я. Исторический опыт криминализации деяний: к 100-летию Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 2. С. 31-35.
4. Козаченко И.Я. Наказание в огранке Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года // Проблемы истории общества, государства и права: сб. научных статей. Вып. 6. Екатеринбург, 2019.

The list of the quoted literature:

1. Block A. Poems. M.: Hud. Lit. 1968. P.6.
2. Chrestomathy on History of Home State and Law in 1917-1991. M.: Zercalo. 1997. P. 63-68.
3. Kozachenko I.YA. Historical experience of criminalization: to the centenary of the Guiding principles on criminal law of the RSFSR // Rossijskoe pravo: Obrazovanie. Praktika. Nauka. 2019. №2. P. 31-35.
4. Kozachenko I.YA. Punishment in terms of the Guiding principles on criminal law of the RSFSR // Problemy istorii obshchestva, gosudarstva i prava. Sbornik nauchnyh statej. №6. Yekaterinburg. 2019.